

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский

Любовь

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.
В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я – озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает – окурки!
Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груды,
дождь-поцелуи в угли-щеки.

Лиличка!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.

Комната –

глава в крученыховском аде.

Вспомни –

за этим окном

впервые

руки твои, исступленный, гладил.

Сегодня сидишь вот,

сердце в железе.

День еще –

выгонишь,

может быть, изругав.

В мутной передней долго не влезет

сломанная дрожью рука в рукав.

Выбегу,

тело в улицу брошу я.

Дикий,

обезумлюсь,

отчаяньем иссечась.

Не надо этого,

дорогая,

хорошая,

дай простимся сейчас.

Все равно

любовь моя –

тяжкая гиря ведь –

висит на тебе,

куда ни бежала б.

Дай в последнем крике вырветь

горечь обиженных жалоб.

Если быка трудом умóрят –

он уйдет,

разляжется в холодных водах.

Кроме любви твоей,

мне

нету моря,

а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.

Захочет покоя уставший слон –

царственный ляжет в опожаренном песке.

Кроме любви твоей,

мне

нету солнца,

а я и не знаю, где ты и с кем.

Если б так поэта измучила,

он

любимую на деньги б и славу выменял,

а мне

ни один не радостен звон,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжиг,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.
Несколько слов о моей жене
Морей неведомых далеким пляжем
идет луна –
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий

пестрополосая.

Венчается автомобильным гаражом,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками.
А я?
Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студеныя ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?
В края, где злоба крыш,
не кинешь блесткой лесни.
В бульварах я тону, тоской песков оваян:
ведь это ж дочь твоя –
моя песня
в чулке ажурном
у кофеен!
Пустяк у Оки
Нежно говорил ей –
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, – не звезда, а девушка...
А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешаете
у камыша идти...»
Ко всему
Нет.
Это неправда.
Нет!
И ты?
Любимая,
за что,
за что же?!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Хорошо –
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!
Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.
Вознес над суетой столичной одури
строгое –
древних икон –
чело.
На теле твоём – как на смертном одре –
сердце
дни
кончило.
В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:
«В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».
Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите –
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!
Помните:
под ношей креста
Христос
секунду
усталый стал.
Толпа орала:
«Марала!
Мааарррааала!»
Правильно!
Каждого,
кто
об отдыхе взмолится,
оплюй в его весеннем дне!
Армии подвижников, обреченным добровольцам
от человека пощады нет!
Довольно!
Теперь –
клянусь моей языческой силою! –
дайте
любую
красивую,
юную, –
души не растрочу,
изнасилую
и в сердце насмешку плюну ей!
Око за око!
Севы мести в тысячу крат жни!
В каждое ухо ввой:
вся земля –
каторжник
с наполовину выбритой солнцем головой!
Око за око!
Убьете,
похороните –
выроюсь!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду,
бешеный,
вгрызаться в ножища,
пахнувшие потом и базаром.
Ночью вскóчите!
Я
звал!
Белым быком возрос над землей:
Муууу!
В ярмо замучена шея-язва,
над язвой смерчи мух.
Лосем обернусь,
в провода
впутаю голову ветвистую
с налитыми кровью глазами.
Да!
Затравленным зверем над миром выстою.
Не уйти человеку!
Молитва у рта, –
лег на плиты просящ и грязен он.
Я возьму
намалюю
на царские врата
на божьем лике Разина.
Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, –
чтоб тысячами рождались мои ученики
трубить с площадей анафему!
И когда,
наконец,
на веков верхи став,
последний выйдет день им, –
в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!
Светает.
Все шире разверзается неба рот.
Ночь
пьет за глотком глоток он.
От окон зарево.
От окон жар течет.
От окон густое солнце льется на спящий город.
Святая месть моя!
Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
в исповеди!
Грядущие люди!
Кто вы?
Вот – я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.
Отношение к барышне
Этот вечер решал –
не в любовники выйти ль нам? –
темно,
никто не увидит нас.
Я наклонился действительно,
и действительно
я,
наклонясь,
сказал ей,
как добрый родитель:

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

«Страсти крут обрыв –

будьте добры,

отойдите.

Отойдите,

будьте добры».

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви

Простите

меня,

товарищ Костров,

с присущей

душевной ширью,

что часть

на Париж отпущенных строф

на лирику

я

растранжирю.

Представьте:

входит

красавица в зал,

в меха

и бусы оправленная.

Я

эту красавицу взял

и сказал:

– правильно сказал

или неправильно? –

Я, товарищ, –

из России,

знаменит в своей стране я,

я видал

девиц красивей,

я видал

девиц стройнее.

Девушкам

поэты любы.

Я ж умен

и голосист,

заговариваю зубы –

только

слушать согласись.

Не поймать

меня

на дряни,

на прохожей

паре чувств.

Я ж

навек

любовью ранен –

еле-еле волочусь.

Мне

любовь

не свадьбой мерить:

разлюбила –

уплыла.

Мне, товарищ,

в высшей мере

наплевать

на купола.

Что ж в подробности вдаваться,

шутки бросьте-ка,

мне ж, красавица,

не двадцать, –

тридцать...

с хвостиком.

Любовь

не в том,

чтоб кипеть крутей,

не в том,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить –
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьею,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить –
это с простынь,
бессонницей рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы –
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней – до неба...
В синем небе
звезд –
до черта.
Если б я
поэтом не был,
я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто
по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
умницы:
человек –
в экстазе.
Сонм видений

и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреновой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит –
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.
Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте...
Письмо Татьяне Яковлевой
В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав –
тубо –

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
собакам
озверевшей страсти.
Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме, –
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, –
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,
буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их! –
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты –
ста миллионам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны –

спортом
выпрямишь не многих, –
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.
Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму –
одну
или вдвоем с Парижем.
Любовь
Мир
опять
цветами оброс,
у мира
весенний вид.
И вновь
встает
нерешенный вопрос –
о женщинах
и о любви.
Мы любим парад,
нарядную песню.
Говорим красиво,
выходя на митинг.
Но часто
под этим,
покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:
«Вперед, товарищи...»
А дома,
забыв об арии сольной,
орет на жену,
что щи не в наваре
и что
огурцы
плоховато просолены.
Живет с другой –
киоск в ширину,
бельем –
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
– Компрометируешь

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
пред коллективом. –
То лезут к любой,
была бы с ногами.
пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.
Одно ему
в мире
кажется злом –
это
алиментщица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной –
тиранит
ревностью
всякий пустяк
и мерит
любовь
на калибр револьверный,
неверной
в затылок
пулю пустя.
Четвертый –
герой десятка сражений,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
– ребенок этакий –
уловенье
любимой
в романические сети
с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке..
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак –
бегает за клёшем

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
каждого бульварника.

Что ж,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.
Ишь! –
жених!
– Для кого ж я, милые, женился?
Для себя –
или для них? –
У родителей
и дети этакого сорта:
– Что родители?
И мы
не хуже, мол! –
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успев
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,
быт без движеньица –
живут, как и раньше,
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!
Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвливай –
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
«Товарищи».
В авто
«Какая очаровательная ночь!»
«Эта,
(указывает на девушку),
что была вчера,
та?»
Выговорили на тротуаре
«поч-
перекинулось на шины
та».
Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг.
Выплювывали
то «О»,
то «S».
А на горе,
где плакало темно
и город
робкий прилез,
поверилось:
обрюзгло «О»
и гадко покорное «S».
Военно-морская любовь
По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.
Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.
И конца б не довелось ему,
благодару миноносью.
Вдруг прожектор, вздев на нос очки,
впился в спину миноносочки.
Как взревет медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»
Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится,
а сбежала миноносица.
Но ударить удалось ему
по ребру по миноносью.
Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.
И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?
Следующий день
вбежал.
Запыхался победы гонец:
«Довольно.
К веселью!
К любви!
Грустящих к черту!
Уныньям конец!»
Какой сногшибательней вид?
Цилиндр на затылок.
Штаны – пила.
Пальмерстон застегнут наглухо.
Глаза –
двум солнцам велю пылать
из глаз
неотразимо наглых.
Афиш подлиннее.
На выси эстрад.
О, сколько блестящего вздора вам!
Есть ли такой, кто орать не рад:
«Маяковский!
Браво!
Маяковский!
Здо-ро-воо!»
Мадам, на минуту!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Что ж, что стара?
Сегодня всем целоваться.
За мной!
Смотрите,
сие – ресторан.
Зал зацвел от оваций.
Лакеи, вин!
Чтобы все сорта.
Что рюмка?
Бочки гора.
Пока не увижу дно,
изо рта
не вырвать блестящий кран...
Домой – писать.
Пока в крови
вино
и мысль тонка.
Да так,
чтоб каждая палочка в «и»
просилась:
«Пусти в канкан!»
Теперь – на Невский.
Где-то
в ногах
толпа – трусящий заяц,
и только
по дамам прокатывается:
«Ах,
какой прекрасный мерзавец!»
А вы могли бы?
Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?
Вывескам
Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.
А если веселостью песей
закружат созвездия «Магги» –
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.
Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!
Пролог
Вам ли понять,
почему я,
спокойный,
насмешек грозою
душу на блюде несую
к обеду идущих лет.
С небритой щеки площадей
стекая ненужной слезою,
я,
быть может,
последний поэт.
Замечали вы –
качается
в каменных аллеях

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

полосатое лицо повешенной скуки,
а у мчащихся рек
на взмыленных шеях
мосты заломили железные руки.
Небо плачет
безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинке ротика,
как будто женщина ждала ребенка,
а бог ей кинул кривого идиотика.
Пухлыми пальцами в рыжих волосиках
солнце изласкало вас назойливостью овода –
в ваших душах выцелован раб.
Я, бесстрашный,
ненависть к дневным лучам понёс в веках;
с душой натянутой, как нервы провода,
я –
царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто выл
оттого, что петли полдней туги, –
я вам открою
словами
простыми, как мычанье,
наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги.
Я вам только головы пальцами трону,
и у вас
вырастут губы
для огромных поцелуев
и язык,
родной всем народам.
А я, прихрамывая душонкой,
уйду к моему трону
с дырами звезд по истертым сводам.
Лягу,
светлый,
в одеждах из лени
на мягкое ложе из настоящего навоза,
и тихим,
целующим шпал колени,
обнимет мне шею колесо паровоза.
Гейнеобразное
Молнию метнула глазами:
«Я видела –
с тобой другая.
Ты самый низкий,
ты подлый самый...» –
И пошла,
и пошла,
и пошла, ругая.
Я ученый малый, милая,
громыханья оставьте ваши.
Если молния меня не убила –
то гром мне
ей-богу не страшен.
Маруся отравилась
Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб»...

«Комс. правда»

В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга Таня...

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

«Комс. правда»

Из тучки месяц вылез,
молоденький такой...
Маруся отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Марусяке
один

с недавних пор:
нафабранные усики,
расчесанный пробор.
Он был

монтером Ваней,
но...
себе в духе парижан,

присвоил званье:
«электротехник Жан».
Он говорил ей часто
одну и ту же речь:
– Ужасное мещанство –
невинность

зря беречь. –
Сошлись и погуляли,
и хмурит

Жан лицо, –
нашел он,

что у Ляли
красивше бельецо.

Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
– Ужасное мещанство –
семейный

этот плен. –
Он с ней
расстался

ровно
через пятнадцать дней,
за то,

что лакированных
нет туфелек у ней.
На туфли

денег надо,
а денег
нет и так...

Себе Маруся
купила яду

на пятак.
Короткой

жизни точка.
– Смер-тель-ный

я-яд ИСПИТ...
В малиновом платочке
в гробу

Маруся спит.

Развылся ветер гадкий.
На вечер,

ветру в лад,
в ячейке
об упадке

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
поставили

доклад.

За женщиной

Раздвинув локтем тумана дрожи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.
В расплаве меди домов полуда,
дрожа́нья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.
Вулканы-бедра за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.
Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.
Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил с злобой по ребрам крыши.
Послушайте!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь

в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!

А после

ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?

Да?!»

Послушайте!

Ведь, если звезды
зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!
Вместо оды
Мне б хотелось

вас

воспеть

во вдохновенной оде,

только ода

что-то не выходит.

Скольким идеалам
смерть на кухне

и под одеялом!

Моя знакомая –

женщина как женщина,

оглохшая

и ухания,

баба советская,
самая передовая
Хранит она
замужество
еще не партиец,
самый красивый
Баба сердитая,
потому что сожитель ейный
огромный синяк
приставил,
И шипит она,
– я
ему
Вымою только
и прямо в милицию,
Домыла.
звонок
Открыла.
высохла
– Его почерк!
письмо от мужа. –
Письмо раскаленное –
«Вы моя душка,
Простите великодушно!
воды
Рассиялся глаз,
Слово ласковое –
И опять
все поняв
А уже
за новой юбкой
раскручивая язык

в загсе венчанная,
на общей кухне.
в складах лучших дат
с парнем среднего роста;
но уже кандидат,
из местных письмоносцев.
видно сразу,
в дополнение к глазу
придя из питейной.
выгнав мужа вон:
покажу советский закон!
последнюю из посуд –
прямо в суд... –
Перед взятием
последнего рубежа
по кухне
рассыпался, дребезжа.
Расцвели миллионы почек,
по-весеннему
слезная лужа...
не пишет,
а пишет,
и ангел
вы.
Я буду тише
и ниже травы». –
оплывший набок.
мастер
дивных див.
за примусами баба,
и все простив.
циркуля письмоносца
по улицам носятся;
витиеватой лентой,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
шепчет

какой-то охаживаемой Вере:
– Я за положительность и против инцидентов,
которые вредят служебной карьере. –
Неделя покоя, но больше никак
не прожить без мата и синяка.
Неделя – и снова счастья нету,
задрались, едва в пивнушке побыли...
Вот оно – семейное «перпетуум
мобиле». И вновь разговоры, и суд, и «треть»
на много часов и недель,
и нет решимости пересмотреть
семейственную канитель.
Я напыщенным словам всегдашний враг,
и, не растекаясь одами к восьмому марта,
я хочу, чтоб кончилась такая помесь драк,
пьянства, лжи, романтики и мата.
что?
Крою пиво пенное, –
только что вам с этого?!
Что даю взамен я?
Что вам посоветовать?
Хорошо и целоваться, и вино.
Но... вино и поэзия, и если ее
хоть раз по-настоящему испили рты,
ее не заменит никакое питье,
никакие пива, никакие спирты.
Помни ежедневно, что ты зодчий
и новых отношений

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
 и новых любовей, –
 и станет ерундовым любовный эпизодчик
 какой-нибудь Любы к любому Вове.
 Можно и кепки, можно и шляпы,
 можно и перчатки надеть на лапы.
 Но нет на свете прекрасней одежды,
 чем бронза мускулов и свежесть кожи.
 И если подыметесь чисты и стройны,
 любую одежду заказывайте Москвошвею,
 и... лучшие девушки нашей страны
 сами бросятся вам на шею.
 Весна В газетах пишут какие-то дяди,
 что начал любовно постукивать дятел.
 Скоро вид Москвы скопируют с Ниццы,
 цветы создадут по весенним велениям.
 Пишут, что уже синицы
 оглядывают гнезда с любовным вождением.
 Газеты пишут: дни горячей,
 налетели отряды передовых грачей.
 И замечает естествоиспытательское око,
 что в березах какая-то циркуляция соков.
 А по-моему – дело мрачное:
 начинается горячка дачная.
 Плюнь, если рассказывает какой-нибудь шут,
 как дачные вечера милы,
 тихи.
 Опишу хотя б, как на даче

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
выделяю стихи.

Не растрчивая энергию
решаю твердо
Но две девицы,
заставили идти
Хожу в лесу-с,
на каждой колючке
Устав до того,
принес сыроежку
Принесши трофей,
еле отделяюсь
С бумажкой
и строфы
Только
меня переезжает
С балкона,
сбежал
Полторы строки намарал –
и пошел
Опрокинув чернильницу,
подымаюсь,
Поймал,
рассматриваю –
Уселся,
На кухне крик:
Адамом,
бегу
Отступаю
заинтересованных
Сел
в меланхолии.

среди ерундовых трат,
писать с утра.
и тощи
и рябы,
искать грибы.
распинаюсь, как Иисус.
что не ступишь на ноги,
и две поганки.
от упомянутых фей.
лежу на траве я,
спускаются,
рифмами вея.
над рифмами стал сопеть,
и –
кто-то
на велосипеде.
куда уселся, мыча,
во внутрь
от футбольного мяча.
ловить комара.
задув свечу,
прыгаю,
чуть не лечу.
и при свете
мерцающих планет
хвост малярный
или нет?
но слово
замерло в горле.
– Самовар сперли! –
во всей первородной красе,
за жуликами
по василькам и росе,
от пары
бродячих дворняжек,
видом
юных ляжек.
Сел
в меланхолии.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
В голову

ни строчки

не лезет более.

Два.

Ложусь в идиллии.

К трем часам –

уснул едва,

а четверть четвертого

уже разбудили.

На луже,

зажатой

берегам в бока,

орет

целуемая

лодочникова дочка...

«Славное море –

священный Байкал,

Славный корабль –

омулевая бочка».

Надежда

Сердце мне вложи!

Кровищу –

до последних жил.

В череп мысль вдолби!

Я свое, земное, не дожил,

на земле

свое не долюбил.

Был я сажень ростом.

А на что мне сажень?

Для таких работ годна и тля.

Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,

вплющился очками в комнатный футляр.

Что хотите, буду делать даром –

чистить,

мыть,

стеречь,

мотаться,

мести.

Я могу служить у вас

хотя б швейцаром.

Швейцары у вас есть?

Был я весел –

толк веселым есть ли,

если горе наше непролазно?

Нынче

обнажают зубы если,

только, чтоб хватить,

чтоб лязгнуть.

Мало ль что бывает –

тяжесть

или горе...

Позовите!

Пригодится шутка дурья.

я шарадами гипербол,

аллегорий

буду развлекать,

стихами балагурия.

я любил...

Не стоит в старом рыться.

Больно?

Пусть...

живешь и болью дорожась.

я зверье еще люблю –

у вас

зверинцы

есть?

Пустите к зверю в сторожа.

я люблю зверье.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Увидишь собачонку –

тут у булочной одна –

сплошная плешь, –

из себя

и то готов достать печенку.

Мне не жалко, дорогая,

ешь!

Любовь

Может,

может быть,

когда-нибудь
дорожкой зоологических аллей

и она –

она зверей любила –

тоже ступит в сад,

улыбаясь,

вот такая,

как на карточке в столе.

Она красивая –

ее, наверно, воскресят.

Ваш

тридцатый век

обгонит стаи

сердце раздиравших мелочей.

Нынче недолюбленное

наверстаем

звездностью бесчисленных ночей.

Воскреси

хотя б за то,

что я

ПОЭТОМ

ждал тебя,

откинул будничную чушь!

Воскреси меня

хотя б за это!

Воскреси –

свое дожить хочу!

Чтоб не было любви – служанки

замужеств,

похоти,

хлебов.

Постели прокляв,

встав с лежанки,

чтоб всей вселенной шла любовь.

Чтоб день,

который горем старящ,

не христарадничать, моля.

Чтоб вся

на первый крик:

– Товарищ! –

оборачивалась земля.

Чтоб жить

не в жертву дома дырам.

Чтоб мог

в родне

отныне

стать

отец

по крайней мере миром,

землей по крайней мере – мать.

Скрипка и немножко нервно

Скрипка издергалась, упрашивая,

и вдруг разревелась

так по-детски,

что барабан не выдержал:

«Хорошо, хорошо, хорошо!»

А сам устал,

не дослушал скрипкиной речи,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
«Что это?»
«Как это?»
А когда геликон –
меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» –
я встал,
шатаюсь полз через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»
Бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору –
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне – наплевать!
Я – хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте –
будем жить вместе!
А?»
Из улицы в улицу
у-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Лиф души расстегнули.

Тело жгут руки.

Кричи, не кричи:

«Я не хотела!» –

резок

жгут

муки.

Ветер колючий

трубе

вырывает

дымчатой шерсти клочок.

Лысый фонарь

сладострастно снимает

с улицы

черный чулок.

Кофта фата

Я сошью себе черные штаны

из бархата голоса моего.

Желтую кофту из трех аршин заката.

По Невскому мира, по лощеным полосам его,

профланирую шагом Дон-Жуана и фата.

Пусть земля кричит, в покое обабившись:

«Ты зеленые весны идешь насиловать!»

Я брошу солнцу, нагло ослабившись:

«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»

Не потому ли, что небо голубо,

а земля мне любовница в этой праздничной

чистке,

я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо,

и острые и нужные, как зубочистки!

Женщины, любящие мое мясо, и эта

девушка, смотрящая на меня, как на брата,

закидайте улыбками меня, поэта, –

я цветами нашью их мне на кофту фата!

Себе, любимому, посвящает эти строки автор

четыре.

Тяжелые, как удар.

«Кесарево кесарю – богу богово».

А такому,

как я,

ткнуться куда?

Где для меня уготовано логово?

Если б был я

маленький,

как Великий океан, –

на цыпочки б волн встал,

приливом ласкался к луне бы.

Где любимую найти мне,

такую, как и я?

Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!

Как миллиардер!

Что деньги душе?

Ненасытный вор в ней.

Моих желаний разнузданной орде

не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,

как Дант

или Петрарка!

Душу к одной зажечь!

Стихами велеть истлеть ей!

И слова

и любовь моя –

триумфальная арка:

пышно,

бесследно пройдут сквозь нее

любовницы всех столетий.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

О, если б был я
тихий,
как гром, –
ныл бы,
дрождью объял бы земли одряхлевший скит.

Я
если всей его мощью
выреву голос огромный –
кометы заломят горящие руки,
бросятся вниз с тоски.
Я бы глаз лучами грыз ночи –

о, если б был я
тусклый,
как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

Пройду,
любвищу мою волоча.
В какой ночи,
бредовой,
недужной,
какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?

Неоконченное

I
Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

II

Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя

будить и беспокоить

III

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданью

V

Я знаю силу слов я знаю слов набат

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком...
Облако в штанах
Тетраптих
Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрómив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний.
Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!
Приходите учиться –
из гостинной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.
И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.
Хотите –
буду от мяса бешеный
– и, как небо, меняя тона –
хотите –
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!
Не верю, что есть цветочная ницца!
Мною опять славословятся
мужчины, залежанные, как больница,
и женщины, истрепанные, как пословица.
1
Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.
«Приду в четыре», – сказала Мария.
Восемь.
Девять.
Десять.
Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрьский.
В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.
Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!
Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце – холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
в женское.
И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая –
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.
Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского прибора.
Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, –
вон его!
Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.
В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.
Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.
Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот, –
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.
Рухнула штукатурка в нижнем этаже.
Нервы –
большие,
маленькие,
многие! –
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!
А ночь по комнате тинится и тинится, –
из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.
Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.
Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете –
я выхожу замуж».
Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как пульс

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», –
а я одно видел:
вы – Джиоконда,
которую надо украсть!
И украли.
Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаряя бровей загиб.
Что же!
И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!
Дразните?
«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».
Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразили Везувий!
Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боен, –
а самое страшное
видели –
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?
И чувствую –
«я»
для меня малó.
Кто-то из меня вырывается упрямо.
Алло!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле, –
ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.
Люди нюхают –
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горячее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!
На лице обгорающем
из трещины губ

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
обугленный поцелуишко броситься вырос.

Мама!

Петь не могу.

У церковки сердца занимается клирос!

Обгорелые фигурки слов и чисел

из черепа,

как дети из горящего здания.

Так страх

схватиться за небо

высил

горящие руки «Лузитании».

Трясущимся людям

в квартирное тихо

стоглазое зарево рвется с пристани.

Крик последний, –

ты хоть

о том, что горю, в столетия выстони!

2

Славьте меня!

Я великим не чета.

Я над всем, что сделано,

ставлю «nihi!»[1].

Никогда

ничего не хочу читать.

Книги?

Что книги!

Я раньше думал –

книги делаются так:

пришел поэт,

легко разжал уста,

и сразу запел вдохновенный проstack –

пожалуйста!

А оказывается –

прежде чем начнет петься,

долго ходят, размозолев от брожения,

и тихо барахтаются в тине сердца

глупая вобла воображения.

Пока выкипячивают, рифмами пиликаая,

из любвей и соловьев какое-то варево,

улица корчится безъязыкая –

ей нечем кричать и разговаривать.

Городов вавилонские башни,

возгордясь, возносим снова,

а бог

города на пашни

рушит,

мешая слово.

Улица мѹку молча пѹрла.

Крик торчком стоял из глотки.

Топорщились, застрявшие поперек горла,

пухлые тахі и костлявые пролетки.

Грудь испешеходили.

Чахотки плоче.

Город дорогу мраком запер.

И когда –

все-таки! –

выхаркнула давку на площадь,

спихнув наступившую на горло паперть,

думалось:

в хорах архангелова хорала

бог, ограбленный, идет карать!

А улица присела и заорала:

«Идемте жрать!»

Гриммируют городу Круппы и Круппики

грозящих бровей морщь,

а во рту

умерших слов разлагаются трупики,

только два живут, жирея –

«сволочь»
и еще какое-то,
кажется – «борщ».
Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:
«Как двумя такими выпеть
и барышню,
и любовь,
и цветочек под росами?»
А за поэтами –
уличные тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.
Господа!
Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!
Нам, здоровенным,
с шагом саженьным,
надо не слушать, а рвать их –
их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати!
Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!
Мы сами творцы в горящем гимне –
шуме фабрики и лаборатории.
Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном

паркете!
Я знаю –
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!
Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!
Слушайте!
Проповедует,
мечась и стенья,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!
Мы
с лицом, как заспанная простыня,
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, –
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!
Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю –
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!
Жилы и мускулы – молитв верней.
Нам ли вымалывать милостей времени!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Мы –
каждый –
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!
Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
Но мне –
люди,
и те, что обидели –
вы мне всего дороже и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?!
Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.
А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.
Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!
И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.
З
Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело
грязных кулачищ замах!
Пришла
и голову отчаянием занавесила
мысль о сумасшедших домах.
И –
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк –
сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезненные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном
человеке,
взял и сказал:
«Хорошо!»
Хорошо, когда в желтую кофту

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»
И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...
А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.
Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!
Вы,
обеспокоенные мыслью одной –
«изящно пляшу ли», –
смотрите, как развлекаюсь
я –
площадной
сутенер и карточный шулер!
От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.
Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.
Вся земля поляжет женщиной,
заерзает мясами, хотя отдаться;
вещи оживут –
губы вещицы
засюсюкают:
«цаца, цаца, цаца!»
Вдруг
и тучи
и облачное прочее
подняло на небе невероятную качку,
как будто расходятся белые рабочие,
небу объявив озлобленную стачку.
Гром из-за тучи, зверея, вылез,
громадные ноздри задорно высморкал,
и небе лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.
И кто-то,
запутавшись в облачных путях,
вытянул руки к кафе –
и будто по-женски,
и нежный как будто,
и будто бы пушки лафет.
Вы думаете –
это солнце нежненько
треплет по щечке кафе?
Это опять расстрелять мятежников
грядет генерал Галифе!
Выньте, гулящие, руки из брюк –
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук –

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
пришел чтоб и бился лбом бы!
Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закисшие в блохастом грязненьке!
Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела ополить!
Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!
Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника –
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.
Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то
вгрызаться в бока.
На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат,
Уже сумасшествие.
Ничего не будет.
Ночь придет,
перекусит
и съест.
Видите –
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством
звезд?
Пришла.
Пирует Мамаем,
задом на город насеv.
Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф!
Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы,
вином обливаю душу и скатерть
и вижу:
в углу – глаза круглы, –
глазами в сердце въелась богоматерь.
Чего одаривать по шаблону намалеванному
сиянием трактирную ораву!
Видишь – опять
голгофнику оплеванному
предпочитают варавву?
Может быть, нарочно я
в человечьем месиве
лицом никого не новей.
Я,
может быть,
самый красивый
из всех твоих сыновей.
Дай им,
заплесневшим в радости,
скорой смерти времени,
чтоб стали дети, должны подрасти,
мальчики – отцы,
девочки – забеременели.
И новым рожденным дай обрасти
пыливой сединой волхвов,
и придут они –
и будут детей крестить
именами моих стихов.
Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
в самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол.
И когда мой голос
похабно ухаёт –
от часа к часу,
целые сутки,
может быть, Иисус Христос нюхает
моей души незабудки.

4
Мария! Мария! Мария!
Пусти, Мария!
Я не могу на улицах!
Не хочешь?
Ждешь,
как щеки провалятся ямкою,
попробованный всеми,
пресный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
«удивительно честный».
Мария,
видишь –
я уже начал сутулиться.
В улицах
люди жир продырявят в четырехэтажных зобах,
высунут глазки,
потертые в сорокгодовой таске, –
перехихикиваться,
что у меня в зубах
– опять! –
черствая булка вчерашней ласки.
Дождь обрыдал тротуары,
лужами сжатый жулик,
мокрый, лижет улиц забитый булыжником труп,
а на седых ресницах –
да! –
на ресницах морозных сосулек
слезы из глаз –
да! –
из опущенных глаз водосточных труб.
Всех пешеходов морда дождя обсосала,
а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет:
лопались люди,
проевшись насквозь,
и сочились сквозь трещины сало,
мутной рекой с экипажей стекала
вместе с иссосанной булкой
жевотина старых котлет.
Мария!
Как в зажившее ухо втиснуть им тихое слово?
Птица
побирается песней,
поет,
голодна и звонка,
а я человек, Мария,
простой,
выхарканный чахоточной ночью в грязную руку
Пресни.
Мария, хочешь такого?
Пусти, Мария!
Судорогой пальцев зажму я железное

горло звонка!

Мария!
Звереют улиц выгоны.
На шее ссадиной пальцы давки.
Открой!
Больно!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Видишь – натыканы

в глаза из дамских шляп булавки!

Пустила.

Детка!

Не бойся,

что у меня на шее воловьей

потноживотые женщины мокрой горою сидят, –

это сквозь жизнь я тащу

миллионы огромных чистых любовей

и миллион миллионов маленьких грязных любят.

Не бойся,

что снова,

в измены ненастье,

прильну я к тысячам хорошеньких лиц, –

«любящие Маяковского!» –

да ведь это ж династия

на сердце сумасшедшего восшедших цариц.

Мария, ближе!

В раздетом бесстыдстве,

в боящейся дрожи ли,

но дай твоих губ неисцветшую прелесть:

я с сердцем ни разу до мая не дожили,

а в прожитой жизни

лишь сотый апрель есть.

Мария!

Поэт сонеты поет Тиане,

а я –

весь из мяса,

человек весь –

тело твое просто прошу,

как просят христиане –

«хлеб наш насущный

даждь нам днесь».

Мария – дай!

Мария!

Имя твое я боюсь забыть,

как поэт боится забыть

какое-то

в муках ночей рожденное слово,

величием равное богу.

Тело твое

я буду беречь и любить,

как солдат,

обрубленный войною,

ненужный,

ничей,

бережет свою единственную ногу.

Мария –

не хочешь?

Не хочешь!

Ха!

Значит – опять

темно и понуро

сердце возьму,

слезами окапав,

нести,

как собака,

которая в конуру

несет

перееханную поездом лапу.

Кровью сердца дорогу радую,

липнет цветами у пыли кителя.

Тысячу раз опляшет Иродиадой

солнце землю –

голову Крестителя.

И когда мое количество лет

выпляшет до конца –

миллионом кровинок устелется след

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
к дому моего отца.

Вылезу
грязный (от ночевок в канавах),
стану бок о бок,
наклонюсь
и скажу ему на ухо:
– Послушайте, господин бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте – знаете –
устроимте карусель
на дереве изучения добра и зла!
Вездесущий, ты будешь в каждом шкапу,
и вина такие расставим по столу,
чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу
хмурому Петру Апостолу.
А в рае опять поселим Евочек:
прикажи, –
сегодня ночью ж
со всех бульваров красивейших девочек
я натащу тебе.
Хочешь?
Не хочешь?
Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь –
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?
Я тоже ангел, я был им –
сахарным барашком выглядывал в глаз,
но больше не хочу дарить кобылам
из севрской муки изваянных ваз.
Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!
Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропавшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!
Пустите!
Меня не остановите.
Вру я,
в праве ли,
но я не могу быть спокойней.
Смотрите –
звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!
Глухо.
Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

Флейта-позвоночник

Пролог

За всех вас,
которые нравились или нравятся,
хранимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравице,
подъемлю стихами наполненный череп.
Все чаще думаю –
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.
Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.
Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

1

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!
Буре веселья улицы узки.
Праздник нарядных черпал и черпал.
Думаю.
Мысли, крови сгустки,
больные и запекшиеся, лезут из черепа.
Мне,
чудотворцу всего, что празднично,
самому на праздник выйти не с кем.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
и голову вымошу каменным невским!
Вот я богохулил.
Орал, что бога нет,
а бог такую из пекловых глубин,
что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
вывел и велел:
люби!
Бог доволен.
Под небом в круче
измученный человек одичал и вымер.
Бог потирает ладони ручек.
Думает бог:
погоди, Владимир!
Это ему, ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на рояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спяленной,
перекрестить над вами стёганье одеялово,
знаю –
запахнет шерстью паленной,
и серой издымится мясо дьявола.
А я вместо этого до утра раннего
в ужасе, что тебя любить увели,
метался
и крики в строчки выгранивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.
В карты б играть!
В вино
выполоскать горло сердцу изоханному.
Не надо тебя!
Не хочу!
Все равно

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

я знаю,
я скоро сдохну.
Если правда, что есть ты,
боже,
боже мой,
если звезд ковер тобою выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, пытка,
судейскую цепь надень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
не замедлю ни на день.
Слушай,
Всевышний инквизитор!
Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам

лошадинам,

и вымчи,
рвя о звездные зубья.
Или вот что:
когда душа моя выселится,
выйдет на суд твой,
выхмурясь тупенько,
ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только –
слышишь! –
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!
Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я денусь, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

2
И небо,
в дымах забывшее, что голубо,
и тучи, ободранные беженцы точно,
вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного.
Радостью покрою рев
скопа
забывших о доме и уюте.
Люди,
слушайте!
Вылезьте из окопов.
После довоюете.
Даже если,
от крови качающийся, как Бахус,
пьяный бой идет –
слова любви и тогда не ветхи.
Милые немцы!
Я знаю,
на губах у вас
гётевская Гретхен.
Француз,
улыбаясь, на штыке мрет,
с улыбкой разбивается подстреленный

авиатор,
если вспомнят
в поцелуе рот

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
твой, Травиата.
Но мне не до розовой мякоти,
которую столетия выжуют.
Сегодня к новым ногам лягте!
Тебя пою,
накрашенную,
рыжую.
Может быть, от дней этих,
жутких, как штыков остря,
когда столетия выбелят бороду,
останемся только
ты
и я,
бросающийся за тобой от города к городу.
Будешь за море отдана,
спрячешься у ночи в норе –
я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона
огненные губы фонарей.
В зное пустыни вытянешь караваны,
где львы начеку, –
тебе
под пылью, ветром рваной,
положу Сахарой горящую щеку.
Улыбку в губы вложишь,
смотришь –
торeadор хорош как!
И вдруг я
ревность метну в ложи
мрущим глазом быка.
Вынесешь на мост шаг рассеянный –
думать,
хорошо внизу бы.
Это я
под мостом разлился Сеной,
зову,
скалю гнилые зубы.
С другим зажгешь в огне рысаков
Стрелку или Сокольники.
Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, ждущий и голенький.
Сильный,
понадоблюсь им я –
велят:
себя на войне убей!
Последним будет
твое имя,
запекшееся на выдранной ядром губе.
Короной кончу?
Святой Еленой?
Буре жизни оседлав валы,
я – равный кандидат
и на царя вселенной
и на
кандалы.
Быть царем назначено мне –
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!
А там,
где тундрой мир вылинял,
где с северным ветром ведет река торги, –
на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелю во мраке каторги.
Слушайте ж, забывшие, что небо голубо,
выщетинившиеся,
звери точно!
Это, может быть,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
последняя в мире любовь
вызарила румянцем чахоточного.

3

Забуду год, день, число.
Запрусь одинокий с листом бумаги я,
Творишь, просветленных страданием слов
нечеловечья магия!
Сегодня, только вошел к вам,
почувствовал –
в доме неладно.
Ты что-то таила в шелковом платье,
и ширился в воздухе запах ладана.
Рада?
Холодное
«очень».
Смятением разбита разума ограда.
Я отчаяние громозжу, горящ и лихорадочен.
Послушай,
все равно
не спрячешь трупа.
Страшное слово на голову лавь!
Все равно
твой каждый мускул
как в рупор
трубит:
умерла, умерла, умерла!
Нет,
ответь.
Не лги!
(Как я такой уйду назад?)
Ямами двух могил
вырылись в лице твоим глаза.
Могилы глубятся.
Нету дна там.
Кажется,
рухну с помоста дней.
Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался над ней.
Знаю,
любовь его износила уже.
Скуку угадываю по стольким признакам.
Вымолоди себя в моей душе.
Празднику тела сердце вызнакомь.
Знаю,
каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
тебя вместо шика парижских платьев
одену в дым табака.
Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои –
радугой судорог.
Как слоны стопудовыми играми
завершали победу Пиррову,
я поступью гения мозг твой выгромил.
Напрасно.
Тебя не вырву.
Радуйся,
радуйся,
ты доконала!
Теперь
такая тоска,
что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал.
Губы дала.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Как ты груба ими.
Прикоснулся и остыл.
Будто целую покаянными губами
в холодных скалах высеченный монастырь.
Захлопали
двери.
Вошел он,
весельем улиц орошен.
Я
как надвое раскололся в вопле.
Крикнул ему:
«Хорошо!
Уйду!
Хорошо!
Твоя останется.
Тряпок нашей ей,
робкие крылья в шелках зажирели б.
Смотри, не уплыла б.
Камнем на шее
навесь жене жемчуга ожерелий!»
Ох, эта
ночь!
Отчаянье стягивал туже и туже сам.
От плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась ужасом.
И видением вставал унесенный от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре его,
будто вымечтал какой-то новый Бялик
ослепительную царицу Сиона еврея.
В муке
перед той, которую отдал,
коленипреклоненный выник.
Король Альберт,
все города
отдавший,
рядом со мной задаренный именинник.
Вызолачивайтесь в солнце, цветы и травы!
Весеньтесь, жизни всех стихий!
Я хочу одной отравы –
пить и пить стихи.
Сердце обокравшая,
всего его лишив,
вымучившая душу в бреде мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего не придумаю.
В праздник красьте сегодняшнее число.
Творись,
распятью равная магия.
Видите –
гвоздями слов
прибит к бумаге я.
Люблю
Обыкновенно так
любовь любому рожденному дадена, –
но между служб,
доходов
и прочего
со дня на день
очерствевает сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело – рубаха.
Но и этого мало!
Один –
идиот! –
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.
Под старость спохватятся.
Женщина мажется.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожа.
Любовь поцветет,
поцветет –
и скукожится.
Мальчишкой
я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людье
трусами муштровано.
А я –
убег на берег Риона
и шлялся,
ни чёрта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатъём под забором в «три листика».
Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Вворачивал солнцу то спину,
то пузо –
пока под ложечкой не заноет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже –
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место –
и мне,
и реке,
и стовёрстым скалам?!»
Юношей
Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего – мол – стоят лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы – все на свете.
Мой университет

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
французский знаете.

Делите.

Множите.

Склоняете чудно.

Ну и склоняйте!

Скажите –

а с домом спеться
можете?

Язык трамвайский вы понимаете?

Птенец человеческий,
чуть только вывелся –

за книжки рукой,
за тетрадные дести.

А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.

Землю возьмут,

обкорнав,
ободрав ее –

учат.

вся она – с крохотный глобус.

А я

боками учил географию –

недаром же

наземь

ночёвкой хлопаюсь!

Мутят иловайских больные вопросы:

– Была ль рыжа борода Барбароссы? –

Пускай!

Не копаюсь в пропыленном вздоре я –

любая в Москве мне известна история!

Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть), –

фамилья ж против,

скулит родовая.

я

жирных

с детства привык ненавидеть,

всегда себя

за обед продавая.

Научатся,

сядут –

чтоб нравиться даме,

мыслишки звякают лбёнками медненькими.

А я

говорил

с одними домами.

Одни водокачки мне собеседниками.

Окном слуховым внимательно слушая,

ловили крыши – что брошу в уши я.

А после

о ночи

и друг о друге

трещали,

язык ворочая – флюгер.

Взрослое

У взрослых дела.

В рублях карманы.

Любить?

Пожалуйста!

Рубликов за сто.

А я,

бездомный,

ручища

в рваный

в карман засунул

и шлялся, глазастый.

Ночь.

Надеваете лучшее платье.

Душой отдыхаете на женах, на вдовах.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстную площадью лёжа.
Враспашку –
сердце почти что снаружи –
себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен.
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди – любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце –
гудит повсеместно.
О, сколько их,
одних только вёсен,
за 20 лет в распалённого ввалено!
Их груз нерастраченный – просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,
а буквально.
Что вышло
Больше чем можно,
больше чем надо –
будто
поэтовым бредом во сне навис –
комочек сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
Под ношей
ноги
шагали шатко –
ты знаешь,
я же
ладно слажен –
и всё же
тащусь сердечным придатком,
плеч подгибая косую сажень.
Взбухаю стихов молоком
– и не вылиться –
некуда, кажется – полнится заново.
Я вытомлен лирикой –
мира кормилица,
гипербола
праобраза Мопассанова.
Зову
Поднял силачом,
понес акробатом.
Как избирателей сзывают на митинг,
как села
в пожар
созывают набатом –
я звал:
«А вот оно!
Вот!
Возьмите!»
Когда
такая махина ахала –
не глядя,
пылью,

грязью,
сугробом
дамьё
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,
нам вроде танго бы...»
Нести не могу –
и несую мою ношу.
Хочу ее бросить –
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат рёбровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.
Ты
Пришла –
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть –
как девочка мячиком.
И каждая –
чудо будто видится –
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его –
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.
Невозможно
Один не смогу –
не снесу рояля
(тем более –
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватит –
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя –
богатством в железо –
запиртал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки
и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
рублей пятнадцать лирической мелочи.

Так и со мной
Флоты – и то стекаются в гавани.
Поезд – и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней
– я же люблю! –
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, –
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.
Вывод
Не смоят любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемя торжественно стих строкопёрстый,
клянусь –
люблю
неизменно и верно!
Письма Владимира Маяковского Лиле Брик
[Москва, до 15 марта 1918 г.]
Дорогой, любимый, зверски милый Лилик!

Отныне меня никто не сможет упрекнуть в том, что я мало читаю, – я все время читаю твое письмо.

Не знаю, буду ли я от этого образованный, но веселый я уже.

Если рассматривать меня как твоего щененка, то скажу тебе прямо – я тебе не завидую, щененок у тебя неважный: ребро наружу, шерсть, разумеется, клочьями, а около красного глаза, специально, чтоб смахивать слезу, длинное облезшее ухо.

Естествоиспытатели утверждают, что щененки всегда становятся такими, если их отдавать в чужие нелюбящие руки.

Не бываю нигде.

От женщин отсаживаюсь стула на три, на четыре – не надышали б чего вредного.

Спасаясь изданием. С девяти в типографии. Сейчас издаем «Газету футуристов».

Спасибо за книжечку. Кстати: я скомбинировался с Додей относительно пейзажа, взятого тобой, так что я его тебе дарю.

Сразу в книжечку твою написал два стихотвор. Большое пришлю в газете (которое тебе нравилось) – «Наш марш», а вот маленькое:

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Весна
Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива как юнкер.
В. Маяковский.
Это, конечно, разбег.

Больше всего на свете хочется к тебе. Если уедешь куда, не видясь со мной, будешь плохая. Пиши, детанька. Будь здоров, милый мой Лучик! Целую тебя, милый, добрый, хороший.

Твой Володя.

В этом больше никого не целую и никому не кланяюсь – это из цикла «тебе, Лиля». Как рад был поставить на «Человеке» «тебе, Лиля»!

[Москва, конец марта 1918 г.]
Дорогой и необыкновенный Лиленок!

Не болей ты, Христа ради! Если Оська не будет смотреть за тобой и развозить твои легкие (на этом месте пришлось остановиться и лезть к тебе в письмо, чтоб узнать, как пишется: я хотел «лехкия») куда следует, то я привезу к вам в квартиру хвойный лес и буду устраивать в оськином кабинете море по собственному моему усмотрению. Если же твой градусник будет лазить дальше, чем тридцать шесть градусов, то я ему обломаю все лапы.

Впрочем, фантазии о приезде к тебе объясняются моей общей мечтательностью. Если дела мои, нервы и здоровье будут идти так же, то твой щененок свалится под забором животом вверх и, слабо подрыгав ножками, отдаст богу свою незлобивую душу.

Если же случится чудо, то недели через две буду у тебя!

Картину кинемо кончаю. Еду сейчас примерять в павильоне фрейлиховские штаны. В последнем акте я денди.

Стихов не пишу, хотя и хочется очень написать что-нибудь прочувствованное про лошадь.

На лето хотелось бы сняться с тобой в кино. Сделал бы для тебя сценарий.

Этот план я разовью по приезде. Почему-то уверен в твоем согласии. Не болей. Пиши. Люблю тебя, солнышко мое милое и теплое.

Целую Оську.

Обнимаю тебя до хруста костей.

Твой Володя.

P. S. (Красиво, а?) Прости, что пишу на такой изысканной бумаге. Она из «Питореска», а им без изысканности нельзя никак.

Хорошо еще, что у них в уборной кубизма не развели, а то б намучился.

[Москва, 2 ноября 1921 г.]
Дорогой мой и миленький Личик!

А я все грущу – нет от тебя никаких писем. Сегодня пойду к Меньшому – авось пришли. Ужасно хотелось бы вдруг к тебе заявиться и посмотреть, как ты живешь. Но увы, – немного утешаюсь, уверяя себя, что, может быть, ты меня не забыла, а только письма не доходят. Пиши же, Лиленок!

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Приехал из Владивостока скульптор Жуков, привез сборник статей Чужака (большинство старые) и газету «Дв телегр», в котором большая статья Чужака о Сосновском. Прислал Чужак гонорар мне за посланные материалы. Сегодня Жуков у нас обедает.

Как будто есть и у меня крохотная новостиска. Вчера приходил человек, о котором говорила Рита (из харьковского Губполитпросвета), и хочет везть меня в Харьков на 3 вечера. Условия хорошие. Если сегодня (тоже должен обедать) он не раздумает, я на будущей неделе в четверг или в пятницу (чтоб успеть получить твое дорогое письмо) уеду дней на 8 – 10 в Харьков. Отдохну и напишу. Работы сейчас фантастическое количество и очень трудная.

Пиши, солнышко.

Люблю тебя.

Жду и целую, и целую.

Твой

2/ХІ-21 г.

О Гржебине еще не мог узнать ничего! У него никого нет.

Разумеется, я буду тебе писать со всех станций, если уеду, ты пиши. Я к себе транспорт налажу.

Целую, целую, целую, целую.

[Москва, 14 – 15 февраля 1924 г.]
Дорогой-дорогой, любимый-любимый,

милый-милый Лисяттик!

Пишу тебе на тычке, т. к. сию минуту еду в Одессу и Киев читать и сию же минуту получил твое письмецо и Шариково.

Спасибо.

Слали тебе телеграмму по сообщенному тобою адресу, но нам ее вернули «за ненахождением», так что на этом письме адрес тебе пишет Лева, узнав настоящий.

Мы живем по-старому. Был пока что на «Лизистрате», но сбежал с первого акта.

До чего дрянь!

Рад ехать в Одессу. Тут ужасные ветра и холод.

Пиши, детик, из Парижа и скорей!

Целую тебя крепко-крепко.

Весь твой

[Ленинград, 20 мая 1924 г.]
Дорогой мой Лисеныш.

Никто мне не рад, потому что все ждали тебя. Когда телефонируешь, сначала говорят: «А!» – а потом: «У...». Вчера читал, сегодня, завтра, и еще не то в четверг, не то в пятницу. Так что буду субботу-воскресенье. Дел никаких, потому что все руководители выехали в Москву. Завтра в 5 ч. пьет у меня чай Рита, а в 7 все лингвисты.

Как здесь тоскливо одному. Это самый тяжелый город. Сейчас иду обедать к Меньшому. Ужасно милый парень. У моих афиш какие-то существа разговаривают так:

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
«Да, но это не трогает струн души». Винница.

Целую тебя сильно-сильно, ужасно-ужасно.

Твой щен.

Поцелуй Скоча и Оську, если у них нет глистов.

[Париж, 9 ноября 1924 г.]
Дорогой-дорогой, милый-милый,

любимый-любимый Лилек.

Я уже неделю в Париже, но не писал потому, что ничего о себе не знаю – в Канаду я не еду и меня не едут, в Париже пока что мне разрешили обосноваться две недели (хлопочу о дальнейшем), а ехать ли мне в Мексику – не знаю, так как это, кажется, бесполезно. Пробую опять снестись с Америкой для поездки в Нью-Йорк.

Как я живу это время – я сам не знаю. Основное мое чувство тревога, тревога до слез и полное отсутствие интереса ко всему здешнему. (Усталость?)

Ужасно хочется в Москву. Если б не было стыдно перед тобой и перед редакциями, сегодня же б выехал.

Я живу в Эльзиной гостинице (29, rue Carnpagne Premiere, Istria Hotel); не телеграфировал тебе адреса, т. к. Эльза говорит, что по старому ее адресу письма доходят великолепно. Дойдут и до меня – если напишешь. Ужасно тревожусь за тебя.

Как с книгами и с договорами?

Попроси Кольку сказать «Перцу», что не пишу ничего не из желания зажулить аванс, а потому что ужасно устал и сознательно даю себе недели 2 – 3 отдыха, а потом сразу запишу всюду.

На вокзале в Париже меня никто не встретил, т. к. телеграмма получилась только за 10 минут до приезда, и я самостоятельно искал Эльзу с моим знанием французского языка. Поселился все-таки в Эльзиной гостинице, потому что это самая дешевая и чистенькая гостиничка, а я экономлюсь и стараюсь по мере сил не таскаться.

С Эльзой и Андреем очень дружим, устроили ей от тебя и от меня шубку, обедаем и завтракаем всегда совместно.

Много бродим с Леже, заходил к Ларионову, но не застал. Больше, кроме театров, не был нигде. Сегодня идем обедать с Эльзой, Тamarой и Ходасевичами. Не с поэтом, конечно! Заходил раз Зданевич, но он влюблен и держится под каким-то дамским крылышком.

Я постепенно одеваюсь под андреевским руководством и даже натер мозоль от примерок. Но энтузиазма от этого дела не испытываю.

Первый же день приезда посвятили твоим покупкам, заказали тебе чемоданчик – замечательный – и купили шляпы, вышлем, как только свиной чемодан будет готов. Духи послал; если дойдет в целости, буду таковые высылать постепенно.

Подбираю Оське рекламный материал и плакаты. Если получу разрешение, поезжу немного по мелким французским городкам.

Ужасно плохо без языка!

Сегодня видел в Булонском лесу молодого скотика и чуть не прослезился.

Боюсь прослыть провинциалом, но до чего же мне не хочется ездить, а тянет обратно читать свои ферзы!

Скушно, скушно, скушно, скушно без тебя.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Без Оськи тоже неважно. Люблю вас ужасно!

От каждой Эльзиной похожей интонации впадаю в тоскливую сентиментальную лиричность.

Я давно не писал, должно быть, таких бесцветных писем, но, во-первых, я выдоем литературно вовсю, а во-вторых, нет никакой веселой жизнерадостной самоуверенности.

Напиши, солнышко.

Я стащил у Эльзы твое письмо (ты пишешь, что скучаешь и будешь скучать без меня) и запер себе в чемодан.

Я писать тебе буду, телеграфировать тоже (и ты!), надеюсь с днями стать веселее. Повеселеют и письма. Целую тебя, детик, целуй Оську, весь

ваш Вол.

Целуй Левку, Кольку, Ксаночку, Малочку и Левина. Все они в сто раз умнее всех Пикассов.

V. Majakovsky.

Paris (это не я Парис!)

9/XI-24 г.

[Париж, 6 декабря 1924 г.]
Дорогой Лиленок.

Я ужасно грущу по тебе.

Пиши, Лилек, больше или хотя бы чаще телеграфируй! Ужасно горевал по Скотику. Он был последнее, что мы делали с тобой вместе.

Что за ерунда с Лефом? Вышел ли хоть номер с первой частью? Не нужно ли, чтоб я что-нибудь сделал? Если № не вышел, у тебя должно быть совсем плохо с деньгами. Напиши подробно. Как дела с Ленгизом? Если денег нет, не шли пока Эльзе. Я как-нибудь устрою это сам. Куда удалось дать отрывки? Если для Лефа нужно, я немедленно вернусь в Москву и не поеду ни в какие Америки.

О себе писать почти нечего. Все время ничего не делал, теперь опять начинаю. К сожалению, опять тянет на стихи – лирик! Сажу в Париже, так как мне обещали в две недели дать ответ об американской визе. Хоть бы не дали – тогда в ту же секунду выеду в Москву, погашу авансы и года три не буду никуда рыпаться. Соскучился по тебе и по всем вас совершенно невыразимо. Это даже при моих незаурядных поэтических образах.

Здесь мне очень надоело – не могу без дела. Теперь с приездом наших хожу и отвожу советскую душу.

Пока не читал нигде. Кроме дома: вполголоса и одиночкам.

Если есть новые мои книги или отрывки где-нибудь напечатаны – пришли.

Бориса Анисимовича все еще нет.

Вещи твои лежат, но нет okazji, а почтой не выслать – довольно тяжелые. Конечно, весь твой список будет в точности выполнен. С дополнениями, которые ты писала Эльзе.

В театры уже не хожу, да и в трактиры тоже, надоело; сажу дома и гложу куриные ноги и гусью печень с салатами. Все это приносит моя хозяйка м-м Сонет.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Удивительно эстетический город!

Получил ли Осик белье из Берлина? Шахматы и пояс я привезу ему отсюда. Какой номер его рубашек? Кажется, 39 воротничок? Скажи Осика, что я очень, очень по нем соскучился и также очень, очень его люблю. Целуй его. Попроси его что-нибудь причеркнуть к твоему письму, конечно, если ты мне напишешь.

Какие дуры звонят тебе о моих письмах? Заметь их имена и запиши. В это-то уж вранье, надеюсь, никто не верит?! Ты представляешь себе, чтоб я сидел и скрипел девочкам письма? Фантазия, Фауст какой-то!

Поцелуй от меня Кольку с Ксаном, Левку, Малочку и всех, кого хочешь.

Лилек, ответь мне на это письмо, пожалуйста, скорее и письмом и телеграммой. А то я буду себе заказывать воротнички № 41 – а раньше, когда я был спокойный и пухлый, я носил 43! и даже 44!!

Целую тебя, родное, милое и любимое Солнышко. Люблю тебя.

Твой (прости, что я тебе всучиваю такой устаревший товар)

Щен.

Париж. 6/ХІІ-24 г.

Люби меня немножко, детик!

[Париж, 2 июня 1925 г.]
Дорогой-дорогой, милый и самый любимый Лиленок!

Я ужасно рад, что ты в письме к Эльке следишь за мной, чтоб я спал, чтоб вел себя семейно и скорей ехал дальше, – это значит, что я свой щенок, и тогда все хорошо. Пишу тебе только сегодня, потому что субботу, воскресенье и понедельник все закрыто и ничего нельзя было узнать о Мексиках, а без Мексик я писать не решался. Пароход мой, к сожалению, идет только 21 (это самый ближайший). Завтра беру билет. «Espagne» Transatlantique – 20 000 тонн. Хороший дядя, хотя и только в две трубы. Дорого. Стараюсь ничего не тратить и жить нашей газетой, куда помещаюсь по 2 фр строка.

Стараюсь делать все, чтоб Эличка скорей выехала. Был в консульстве. Завтра пошлю Эльзу, и тогда запросят Москву телеграфом.

Не пишу тебе, что мне ужасно скучно, только чтоб ты на меня – хандру – не ругалась.

Выставка – скучнейшее и никчемнейшее место. Безвкусица, которую даже нельзя себе представить.

Так наз «Париж весной» ничего не стоит, так к ничего не цветет и только везде чинят улицы. В первый вечер поехали, а теперь я больше никуда не выхожу, сплю 2 раза в сутки, ем двойной завтрак и моюсь, вот и все.

Завтра начну писать для «Лефа». Ни с одним старым знакомым не встречаюсь, а из новых лучше всех Бузу – собак Эльзиных знакомых.

Ему говорят «умри!», и он ложится вверх ногами; говорят «ешь!», и тогда он жрет все, что угодно, а когда его ведут на цепочке, он так рвется, что хозяева должны бежать, а он идет на одних задних лапках.

Он белый с одним черным ухом – фокс, но с длинной шерстью и с очень длинным носом. Глуп как пробка, но по середине улицы ни за что не бегают, а только по тротуарам.

Чернила кончились.

Долетел хорошо. Напротив немец тошнил, но не на меня, а на Ковно. Летчик Шебанов

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru замечательный. Оказывается, все немецкие директора сами с ним летать стараются. На каждой границе приседал на хвост, при встрече с другими аппаратами махал крыльшками, а в Кенигсберге подкатил на аэроплане к самым дверям таможни, аж все перепугались, а у него, оказывается, первый приз за точность спуска.

Если будешь лететь, то только с ним.

Мы с ним потом весь вечер толкались по Кенигсбергу.

Кисит, пиши, маленький, чтоб получил еще до отплытия.

Весь список вещей передан Эльзе, и все тебе будет доставлено полностью. Начнем слать с завтрашнего дня.

Напиши мне, получил ли Оська деньги за собр соч.

Целую тебя, милый мой и родненький Лилик.

Люби меня немножко, весь твой

Щен.

Целуй Осика!

2/VI-25 г.

Пиши, пожалуйста!

[Париж, 9 июня 1925 г.]
Дорогой, любимый, милый и изумительный Лиленок.

Как ты и сама знаешь – от тебя ни строчки. Я послал тебе уже 2 телеграммы и 1 письмо и от тебя даже ни строчки приписки к письмам Эльзе! Маленький, напиши скорей и больше, т. к. 19-го я уже выезжаю. Пароход «Эспань» отходит из Сен-Назера (в 8 часах от Парижа) и будет ползти в Мексику целых 16 дней! Значит, письмо с ответом будет идти через Париж от тебя (если точно попадет к пароходу) 40 дней! Это и есть чертовы куличики. Даже целые куличи!

Солнышко, напиши мне до этого побольше! Обязательно. Все, все, все. Без твоего письма я не поеду.

Что ты делаешь, что ты будешь делать?

Котенок, не бери никаких работ до моего приезда. Отдохни так, чтоб ты была кровь с молоком на стальном каркасе.

Я живу здесь еще скучнее, чем всегда. Выставка осточертела, в особенности разговоры вокруг нее. Каждый хочет выставить свой шедевр показистей и напрягает все свое знание французского языка, чтоб сказать о себе пару теплых слов.

Сегодня получили вернувшегося из Москвы Морана – гнусность он, по-видимому, изрядная.

Не был ни в одном театре. Видел только раз в кино Чаплина. Жара несносная – единственное место Буа и то только к вечеру. Сегодня иду в полпредство, читаю вечером стихи, а потом с Эльзой к Вельтерам.

Все усилия приложу, чтоб объездить все, что себе положил, и все-таки вернуться к тебе не позже осени.

Из всех людей на земле завидую только Оське и Аннушке, потому что они могут тебя видеть каждый день.

Как с деньгами? Уплатили ли Оське в Гизе? Пишут ли для «лефа»? Очень, очень целуй Оську.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Целую тебя крепко, крепко, люблю и тоскую.

Твой всегда

Щенок.

Пиши! Пиши! Пиши!

Немедленно!

[Париж, 19 – 20 июня 1925 г.]
Дорогой мой, любимый и милый Лилятик!

От тебя ни одного письма, ты уже теперь не Киса, а гусь лапчатый. Как это тебя так угораздило? Я по этому поводу ужасно грустный – значит, писем от тебя уже не дождешься! Ладно – повезу с собой телеграммы – они милые, но их мало.

Завтра утром 8.40 выезжаю Сен-Назер (Бретань) и уже через 12 часов буду ночевать на пароходе. 21-го отплываю!

Спасибо большое за Гиз и извини за хлопоты. В прошлую среду (как раз, когда я тебе послал прошлое письмо) меня обокрали, как тебе известно, до копейки (оставили 3 франка – 30 коп.!). Вор снял номер против меня в Истрии, и когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота, он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажники (с твоей карточкой, со всеми бумагами!) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему, только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор. Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путешествие прекратится, и я опять дураком приеду на твое посмешище, меня совершенно бесила. Сейчас все устроилось с помощью твоей и Гиза.

Я нарочно просил слать за ноябрь и декабрь, чтоб это на тебе сейчас не отразилось, а там приеду, отработаю.

Лилек, шлю для «Прибоя» (он у тебя записан) листок с текстом. Передай его, пожалуйста.

Об Эльзиной визе надо говорить только в Москве.

Сегодня получил телеграмму от Левы, он как раз приезжает после моего отъезда через несколько часов.

Как на Волге?

Смешно, что я узнал об этом случайно от знакомых. Ведь это ж мне интересно, хотя бы только с той стороны, что ты, значит, здорова!

Детик, это я уже дописываю утром и через десять минут мне ехать на вокзал. Целую тебя, солник. Целую Оську. Люблю вас ужасно и скучаю по вас.

Весь ваш мексиканский Щен.

[Пароход «Эспань», 22 июня 1925 г.]
Дорогой Линочек.

Так как показалась Испания, пользуюсь случаем известить вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, – смотри на карте Santander.

Мой «Эспань» – пароходик ничего. Русских не обнаружено пока. Едут мужчины в подтяжках и с поясом сразу (оне испанцы) и какие-то женщины в огромных серьгах (оне испанки). Бегают две коротких собачки. Японские, но рыженькие, обе одинаковые.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Целую тебя, родненький, и бегу изучать по-французски, как отправить письмо.

Целую тебя и Оську.

Весь ваш Щен.

22/VI-1925.

[Пароход «Эспань», 3 июля 1925 г.]
Дорогой-дорогой, милый, милый, милый

и любимейший мой Лиленок!

Получаешь ли ты мои (2) дорожные письма? Сейчас подходим к острову Кубе – порт Гавана (которая сигары), будем стоять день-два. Пользуюсь случаем еще раз безнадежно сунуть в ящик письмо.

Жара несносная!

Сейчас как раз прем через Тропик.

Самой Козероги (в честь которой назван этот тропик), впрочем, я пока еще не видел.

Направо начинает выявляться первая настоящая земля Флорида (если не считать мелочь, вроде Азорских островов). Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как, за неимением одесситов, трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое.

Нельзя сказать, чтоб на пароходе мне было очень весело. 12 дней воды это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей, а для сухопутных это много. Разговаривать по-франц. и по-испански я не выучился, но зато выработал выразительность лица, т. к. объясняюсь мимикой.

Родненькая, телеграфируй мне обязательно твое здоровье и дела. Адреса нашего посольства я, к сожалению, не знаю. Справься в Наркоминделе. Кажется, телеграфный адрес: Мексика (город) Дельсовпра (делегация сов правит).

Много работаю.

Соскучился по вас невыразимо.

Целую 1000 раз тебя и 800 Оську.

Весь ваш

[Колумб]

Щен.

[Мехико, около 15 июля 1925 г.]
Дорогой, дорогой, миллион раз милый

и один раз и навсегда любимый Кисит.

Я в Мексике уже неделю. Жил день в гостинице, а потом переехал в полпредство. Во-первых, это приятней, потому что и дом хороший, и от других полпредств отличается чрезвычайной малолюдностью. 4 человека (после отъезда Волинского с женой) – вот и все служащие. Во-вторых, это удобно, так по-испански я ни слова и все еще путаю: грасиас – спасибо, и эскюзада – что уже клозет. В-третьих, и деньгов нет, а здесь складчина по 2 песо (2 руб.) в день, что при мексиканской дороговизне – сказочно.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
О Мексике:

Во-первых, конечно, все это отличается от других заграниц главным образом всякой пальмой и кактусом, но это произрастает в надлежащем виде только на юге за Вера-Круц. Город же Мехико тяжел, неприятен, грязен и безмерно скучен.

Я попал не в сезон (сезон – зима), здесь полдня регулярно дожди, ночью холода и очень паршивый климат, т. к. это 2400 метров над уровнем моря, поэтому ужасно трудно (первые две недели, говорят) дышать и сердцебиения, что уже совсем плохо.

Я б здесь не задержался более двух недель. Но, во-первых, я связался с линией «Трансатлантик» на пароход (а это при заказе обратного билета 20%! скидки), а во-вторых, бомбардирую телеграммами о визе Соединенные Штаты. Если же Соединенных Штатов не выйдет, выеду в Москву около 15 августа и около 15–20 сентября буду в Москве. Через несколько дней с секретарем посольства едем внутрь Мексики – в тропические леса; плохо только, что там желтая лихорадка и придется, очевидно, ограничиться только поездом.

Детик! Что ты делаешь и что ты думаешь делать? Бесконечно боюсь тебя не застать, а если ты поедешь в Италию, боюсь, что это у меня не выйдет из-за проклятой кражи!

Когда ты получишь это письмо, меня уже в Мехико не будет, очевидно, т. к. я после поездки вглубь поеду прямо на пароход. Поэтому обязательно все, все мне напиши на Парижское полпредство к 1 сентября, чтоб я по приезде уже застал твое письмо. Только не пиши, что ты меня не любишь, пожалуйста. Ужасно скучаю, ничего про вас не зная. Как Оська? Как «Леф»? Как полное собрание?

Детик, шлю стихи и беспокою тебя страшными просьбами:

1) «Открытие Америки» дай «Лефу»

2) «Испанию» дай «Огоньку»

шлю доверенности

3) «Монашек» попробуй «Известиям» | или

4) «Атлантический океан» – «Прожектору» | наоборот

5) Все вместе предложи Радио-Росте.

С «Лефа», разумеется, денег не надо брать. С остальных по 1 р. строка, а с Радио-Росты (т. Галицкому) по 2 – 3 черв за стих. Эти деньги ужасно прошу тебя (рассчитываю, что будет 45 – 50 червонцев, если меньше, так меньше) перевести Андрэ Эльзину, у которого я занял перед отъездом, и ему надо заплатить к 1 сентября.

Если денег всех не выручишь или вообще ничего не получишь, то, пожалуйста, своих не шли, а только телеграфируй, и я устроюсь каким-нибудь займом.

Спасибо, детик, за телеграммки, они ужасно, ужасно хорошие и лежат на грудях в чудной свиной коже.

Я сейчас не шлю тебе ничего, потому что, во-первых, затеряют, во-вторых, еще не осмотрелся, а в-третьих, хочу везть тебе сам.

Дорогой мой и любимый котик, целую тебя страшно, страшно. Весь твой со всеми четырьмя лапами

Щен.

Целую Оську в усы.

Целую Эльзку.

Привет Елене Юльевне.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Передай, пожалуйста, маленькое письмо маме моей.

[Баку, 20 февраля 1926 г.]
Дорогая и родная моя Кисица!

(Это я сделал из Киса и Лисица.)

Я живу сию минуту в Баку, где и видел (а также и по дороге) много интересного, о чем и спешу тебе написать.

Во-первых, от Краснодара до самого Баку ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал. Не дожидаясь, часто останавливался и серьезно и долго смотрел на горы, удивленно, безнадежно и грустно, как Левин после проигрыша.

А до этого в Краснодаре было много собачек, про которых я и пишу теперь стих.

В Баку тоже не без зверев. Во-первых, под окном третьего дня пробежали вместе одиннадцать (точно) мирблюдов, бежали прямо на трамвай. Впереди, подняв руки, задом прыгал человек в черкеске, орал им и что-то доказывал – чтоб повернули.

Едва-едва отговорил.

А также наискосок ежедневно становится в девять часов хороший ослик с фруктами. Что же касается Регины Федоровны, то ее уже не было, она уехала в Москву.

Я живу весело: чуть что – читаю «Левый марш» и безошибочно отвечаю на вопросы, что такое футуризм и где теперь Давид Бурлюк.

Счастливый Ося, и он живет полной, красивой жизнью: я читал про его выступление в Доме союзов, а также дышащую гневом статью о киноплакате в «Советском экране».

Целуй его очень. В телеграммах я его нецелую, потому что телеграммы срочные, могут прийти ночью, а я не хочу его беспокоить ночью по пустякам.

Во вторник или среду утром еду Тифлис и, отчитав, поскорее в Москву. Надоело – масса бестолковщины. Устроители – молодые. Между чтениями огромные интервалы, и ни одна лекция не согласована с удобными поездками. Поэтому, вместо международных, еду, положив под голову шаблонное, с клещами звезд огромное ухо. Уже и без клещей было б удобнее, но вычесывать клещи лень, тем более из 20 000 экземпляров.

Здесь весна. На улицах продают мимозы. Можно ходить без пальто, но тогда очень холодно. Налево от меня какая-то улочка, на ней парикмахерская «Аэлита», тут же все по-тюркски, но выглядит страшно иностранно, т. к. теперь латинский алфавит: аптека и сейчас же по-ихнему – «Artiq», а вместо воскресенья вообще пятница. Направо от меня Каспийское море, в которое ежедневно впадает Волга, а выпадать ей неоткуда, т. к. это море – озеро и положение его безвыходное.

Дорогой Солник, очень тебя жалею, что тебе одной возиться с квартирой, и завидую, потому что с этим повозиться интересно.

Я по тебе, родненький, очень соскучился. Каждому надо, чтоб у него был человек, а у меня такой человек ты. Правда.

Целую тебя обеими губами, причем каждой из них бесконечное количество раз.

Весь твой Счен 1-ый (Азербайджанский).

20/II-26 г.

[Симферополь, 8 июля 1926 г.]
Дорогой-дорогой, родной, любимый

и милый Кис.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Как ни странно, а я пишу из Симферополя.

Сегодня еду в Евпаторию, а через день обратно в Ялту (где и буду ждать ваших телеграммков и писем).

Одесские деньги поизносились вконец и приходится ездить с чтениями на заработки.

К сожалению, и это почти ничего не дает. Например, в Севастополе не только отказались платить по договору (организаторы, утверждающие, что они мопровцы), а еще и сорвали лекцию, отменили и крыли меня публично разными, по-моему, нехорошими словами. Пришлось целый день потратить на эту бузу, собирать заседание секретариата райкома, и секретарь райкома отчитывал влоск зарвавшегося держиморду. Моральное удовлетворение полное, а карман пустой. Да еще вместо стихов приходится писать одни письма в редакции.

Я пока еще не загорел, а с носа уже третья шкура слазит, и я его ношу, как пунцовый флаг. Надо думать, что я некрасивый.

Самое для меня неприятное то, что ты сидишь, должно быть, без единого грошика, все к тебе пристают, а Осипу не на что ехать на Волгу. Если так пойдет дальше, через недельку-другую вернусь в Москву.

Мне без вас, милые мои и родные, совсем невозможно и скучно. У меня и здесь вообще никаких новостей – на Чатырдаге и на Ай-Петри не случается ничего, кроме красивых восходов, а про это даже в газетах писать перестали.

Если вы не напишете все, все, все про себя, я сейчас же начну вымирать со скуки.

Целую все, все лапки и головки тебе и Осипу в лысину. Любите меня, пожалуйста, и не забывайте, а я весь ваш

Счен.

8/II-26 г.

[Евпатория, 15 июля 1926 г.]
Милый и родной Детик.

Я живу совсем как потерпевший кораблекрушение Робинзон: спасаюсь на обломке (червонца), кругом необитаемая (тобой и Осипкой) Евпатория, а пятница уже одна была и завтра будет другая.

Главное же сходство в том, что ты ни мне, ни Робинзону ни слова не пишешь и не написала.

Правда, есть одна ответная телеграмма, но я ее даже не считаю, так как она без подписи, я так про нее себе и говорю: может, от Кисы, а может, от Драпкина. Возможно, что я виноват сам, и в Ялте лежит целая охапка писем и телеграмм. Но и то я не виноват, так как застрял тут на целую неделю, потому что у меня был страшный грипп. Я только сегодня встал, и завтра во что бы то ни стало уеду в Ялту из этого грязного места.

Три лекции, с таким трудом налаженные опять в Севастополе и Евпатории, пришлось отменить.

Веселенькая историйка! Ну да бис (по-украински – черт, а не то, что бис – «браво») с ней.

Кисит, если ты еще не написала – напиши в Ялту. Не будь свиньей, тем более, что из такой маленькой кисы хорошей большой свиньи все равно не выйдет.

Как дело с Осипкиным отдыхом?

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Ехал бы он в Ялту.

Я получил за чтение перед санаторными больными комнату и стол в Ялте на две недели, Оське можно было бы устроить то же самое.

Ослепительно было бы, конечно, увидеть Кису на ялтинском балкончике!.. Но обломок червонца крошится, а других обломков нет и неизвестно.

По моим наблюдениям я стал ужасно пролетарский поэт: и денег нет, и стихов не пишу.

Родненький Лисик, ответь, пожалуйста, сразу.

Ты, должно быть, не представляешь себе, как я тоскую без ваших строк. Целую и обнимаю тебя, родненькая, и люблю.

Весь твой

Счен.

Ужасно целую Осика.

15/VII-26 г.

[Краснодар, 29 ноября 1926 г.]
Дорогой-дорогой, милый, родной

и любимый кисячий детик лис[2].

Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю по вас всех (по «вам всем»?) [3].

Езжу как бешеный.

Уже читал: Воронеже, Ростове, Таганроге, опять Ростове, Новочеркасске и опять два раза в Ростове; сейчас сижу Краснодаре, вечером буду уже не читать, а хрипеть – умоляю устроителей, чтоб они меня не возили в Новороссийск, а устроители меня умоляют, чтоб я ехал еще и в Ставрополь.

Читать трудновато. Читаю каждый день, например, в субботу читал в Новочеркасске от 8 1/2 вечера до 12 3/4 ночи; просили выступить еще в 8 часов утра в университете, а в 10 – в кавалерийском полку, но пришлось отказаться, так как в 10 часов поехал в Ростов и читал с 1 1/2 в РАППе до 4.50, а в 5.30 уже в Ленинских мастерских, и отказаться нельзя никак: для рабочих и бесплатно!

Ростов – тоже не роза!

Местный хроникер сказал мне, гуляя по улице:

«Говорят – гений и зло несовместимы, а у нас в Ростове они слились вместе». В переводе это значит, что у них несколько месяцев назад прорвались и соединились в одно канализационные и водопроводные трубы! Сейчас сырой воды не пьют, а кипяченую советуют пить не позже, чем через 4 часа после кипения, а то говорят, что какие-то «осадки».

Можешь себе представить, что я делал в Ростове!

Я и пил нарзан, и мылся нарзаном, и чистился – еще и сейчас весь шиплю.

Чаев и супов не трогал целых три дня.

Такова интеллектуальная жизнь.

С духовной и романтической стороны тоже не важно.

Единственный романтический случай и тот довольно странный. После лекции в Новочеркасске меня пригласил к себе в кабинет местный профессор химии и усердно поил меня собственным вином собственных лоз из мензурок и пробирок и попутно

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru читал свои 63-летние стихи. Так как вино было замечательное, а закуски никакой, кроме разных «марганцев да ангидридов», то пришлось очень быстро повеселеть и целоваться с влюбленным в поэзию химиком.

Колбочки очень тоненькие и если их просто ставить на стол, то они, оказывается, разбиваются; я это быстро понял и взялся за свой плоский стакан, но увидел только чехол, а сам стакан сперли студенты на память, так что университету никакого убытка, но зато я еще больше боюсь Ростова и совсем обезоруженный.

Придется кипятить нарзан и мыть им посуду, а как узнать – кипит ли нарзан или нет, раз он всегда и шипит и пускает пузырики?!

Опасно жить, как говорит писательница Эльза Триоле.

Вот и все события. Получила ли ты денег? Я их послал почтой, чтоб тебе принесли прямо в кровать.

Не знаю пока, поеду ли в Киев, очень надо и очень не хочется.

Если не поеду, буду в воскресенье-понедельник Москве, если поеду – вторник-среду.

Не забывай меня, мой родненький, я тебя ужасно люблю и я твой ужасно

Счен.

Целуй Оську.

Краснодар, 29/XI-26 г.

Осик, смотри за Лэфом, целую тебя.

Твой зам Вол.

[Париж, 7 мая 1927 г.]
Мой изумительный, дорогой

и любимый Лилик.

Как только я ввалился в «Истрию», сейчас же принесли твое письмо – даже не успел снять шляпу. Я дико обрадовался и уже дальнейшую жизнь вел сообразно твоим начертаниям – заботился об Эльзе, думал о машине и т. д. и т. д.

Жизнь моя совсем противная и надоедая невероятно. Я все делаю, чтоб максимально сократить сроки пребывания в этих хреновых заграничах.

Сегодня у меня большой вечер в Париже. Зайдет флаксерман (он здесь по разным автоаэроделам). Пообедаем и пойдем читать. Девятого еду Берлин (на восьмое не было билетов), десятого читаю в Берлине и оттуда в Москву через Варшаву (пока не дают визы – только транзитную).

В Праге отмахал всю руку, столько понаписывал своих книг. Автографы – чехословацкая мания, вроде сбора марок. Чехи встречали замечательно, был большущий вечер, рассчитанный на тысячу человек, – продали все билеты и потом стали продавать билетные корешки, продали половину их, а потом просто люди уходили за нехваткой места.

[Ялта, 10 августа 1927 г.]
Дорогой, родной, любимый Личик!

Как ты? Как Осик? Как уважаемые сукины дети наши бульдоги?

Я живу в Ялте, вернее, это так называется, потому что езжу читать во все имеющиеся стороны.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Читал 2 раза Луганске, раз Сталино, Симферополь, Севастополь, Алушта и прочее.

Живу в Ялте с Горожаниным, с ним же в большинстве случаев разъезжаю. Впрочем, в Алушту ездил с Луэллой, которая поехала к какой-то Вале Шахор, которую она считала за Шахер, и при первой встрече пискливо орала на всю курзальную столовую: Я стыдливо тупил глазки.

15-го читаю в Ялте, потом 19 и 21 Евпатории и Симферополе, и думаю от 1-го до 10-го Кавказ, с вершин коего в Москву.

Детик, у меня к тебе много просьб:

1) Получи в «Молодой гвардии» сорок червонцев (надо получить не позднее пятнадцатого, иначе их вышлют мне в Крым) и эти червонцы возьми себе. (Доверенность прилагаю.)

2) Узнай, получила ли «Мол гвардия» мою вторую часть поэмы.

3) Узнай, пожалуйста, у Бескина, прошел ли через ред. план мой шестой том собрания сочинений.

4) Как в Гизе с изданием моей Октябрьской поэмы? Корректуру этой поэмы очень прошу Осю выверить с особой тщательностью.

5) Как дела вообще с квартирами, ремонтами, дачами и прочим?

6) Попроси Осика сверить гизовский экземпляр поэмы с отрывком, посланным для «Лефа», и ввести соответствующие изменения в гизовский экземпляр. Вот и все.

Много?

Будь добра, родненькая, ответь мне на все подробным письмом на Ялту.

Целую тебя и скучаю.

Весь твой Счен.

10/VIII-27 г.

[Париж, 20 октября 1928 г.]
Дорогой, милый, изумительный и родной Кис.

К сожалению, я в Париже, который мне надоел до бесчувствия, тошноты и отвращения. Сегодня еду на пару дней в Ниццу (навернулись знакомицы) и выберу, где отдохнуть. Или обоснуюсь на 4 недели в Ницце, или вернусь в Германию.

Без отдыха работать не могу совершенно!

Разумеется, ни дня больше двух месяцев я в этихдохлых для меня местах не останусь.

Дела пока не ладятся.

Пискатор пока что прогорел. Парижских ауспиций не видать (мелкие лекциишки), вся надежда на «Малик» – хочет подписать со мной договор – в зависимости от качества пьесы (усиленно дописываю). Ввиду сего на машины пока только облизываюсь – смотрел специально автосалон.

Рутмана я никак не мог найти, говорят, он в отъезде. Икры дал Герцфельду за то, чтоб он доставил Рутману папиросики.

Шалито хронику обещал послать, хотя и разводил недоуменно ручками, предлагая вместо кусков какой-то целый культурфильм.

Из искусств могу смотреть только кины, куда и хожу ежедневно.

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Художники и поэты отвратительнее скользких устриц. Протухших. Занятие это совсем выродилось. Раньше фабриканты делали авто, чтоб покупать картины, теперь художники пишут картины, только чтоб купить авто. Авто для них что угодно, только не способ передвижения. Но способ передвижения это все-таки незаменимый.

Был ли у тебя т. Хайкис? Он размилейший.

Люблю и целую тебя, родненькая. Обнимаю Оську и лобызаю Бульку.

Твой Счен.

В телеграмме было Счен берлинский. Спасибо за письмо.

Пиши, детик!

20/х-28 г.

[Париж, 12 ноября 1928 г.]
Дорогой и родной Кисит.

Я задержался с этим письмом, т. к. телеграфировал тебе «покупаю» и все еще не перевел в прошедшее время «купил». Но сейчас, кажется, уже ничего не помешает и денежков с помощью добрых душ на свете я наскребу и назаработаю. Машин симпатичный, ты сама, должно быть, знаешь какой:

Рисунок, конечно, корявый, но карточку из каталожицы я отдал вместе с заказом, а другой пока нет.

Я просил сделать серенький, сказали – если успеют, а то темно-синий.

Пробуду в Париже немного, чтоб самому принять машинку с завода, упаковать и послать, а то законителится на месяцы. А пока сижу и раздракониваю пьесу и сценарий. Это первый бензин, который пытается сожрать реношка.

Дико был рад читать твое письмо о «киноглазе». Кстати, не знаю откуда, но и проезжавшая через Париж Шатова тоже сей глаз ужасно выхваливала – говорила – говорят.

Кисит, телефонируй, пожалуйста, Кострову, что стихи я пишу и с пользой и с удовольствием, но многих удобств ради нашлаю или навезу их слегка позднее.

Лисит, переведи, пожалуйста, телеграфно тридцать рублей – Пенза, Красная ул., 52, кв. 3, Людмиле Алексеевне Яковлевой.

Лилек, если тебе попался для корректуры том с лозунгами и рекламками, пообсуди с Осей, как бы эти рекламки лучше печатать – бессмысленно же их дуть стихотворным шрифтом! Может, заглавным, афишным по целой странице? Обдумайте, пожалуйста.

Моя жизнь какая-то странная, без событий, но с многочисленными подробностями, это для письма не материал, а только можно рассказывать, перебирая чемоданы, что я и буду делать не позднее 8 – 10. Пиши и телеграфируй много и обязательно.

Целую тебя, родненькая, и миленькая, и любименькая.

Твой Счен.

Облап Осика.

Окончание реношных перипетий – телеграфирую.

[Москва, 19 марта 1930 г.]
Дорогой, родной, милый и любимый Кис.

Спасибо за карточки и письмо. Булька Шнайда посмотрела с любопытством, а на остальные карточки обиделась. «Ах так, – говорит, – значит, теперь Киса носит на руках разных светских львенков, а про нас забыла». Я ее уговорил, что ты не забыл, приедешь и будешь ее носить тоже. Немного успокоилась и обещала подождать.

Кстати, как фамилия и где разыскать нашу дачную собачницу с булячьим мужем? Напиши.

Марьянову – не надо давать ни пьес, ни доверенностей. МОДПИК против этого и уже, насколько я знаю, его сменил.

Профсоюзные и квартирные новости пока что в порядке хождения, но довольно уверенного.

Очень обрадовался Оболенскому и всем твоим приветам.

Киса, если будешь на моей постановке, обязательно пришли снимки. Если к снимкам приложишь еще и серые фланелевые штаны, я обижаться не буду.

Третьего дня была премьера «Бани». Мне, за исключением деталей, понравилась, по-моему, первая поставленная моя вещь. Прекрасен Штраух. Зрители до смешного поделились – одни говорят: никогда так не скучали; другие: никогда так не веселились. Что будут говорить и писать дальше – неведомо.

У нас бывают всё те же. Новых ни человека. Обедаем 5го и 20-го, 7-го и 12-го и хвастаемся друг перед другом твоими откритиками.

Все тебе и вам пишут и любят вас по-прежнему, а некоторые (мы) и больше, потому что очень соскучились. В начале апреля, очевидно, будут в Берлине Мейерхольды. «Клопа» с собой не берут, но я и не очень протестую, т. к. моя установка – пусть лучше он нравится в Саратове.

Из новых людей (чуть не забыл) были у меня раза два Семка и Клавка, хотели (Лева) познакомиться с Асеевым – я не отбрыкивался, но и не рвался.

Молодые рефовцы же тоскуют по Осе.

Пишите, родные, и приезжайте скорее. Целуем вас ваши всегда

Целуй Эльзу и Арагона.

[Москва, 12 апреля 1930 г.]
Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят –
«инцидент исперчен»,

О любви. Сборник. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/VI-30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным. Серiously – ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.

Примечания

1 «Ничто» (лат.).

2 Так назыв. солнышко. (Прим. В. В. Маяковского.)

3 Попроси Осю прокорректировать. (Прим. В. В. Маяковского.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!